

УДК 300.116+94+008

Карл Маркс: особенности воззрений на исторический процесс и культуру (к 200-летию со дня рождения)

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40в,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

vlkurguzov@rambler.ru

Статья поступила 11.05.2018, принята 3.06.2018

200-летний юбилей со дня рождения выдающего мыслителя XIX в. Карла Маркса обязывает нас, современных ученых-гуманитариев, окинуть ретроспективным взглядом и с критических позиций оценить теоретическое наследие основоположника научного социализма. С этой целью в статье делается попытка в краткой форме изложить взгляды Маркса на исторический процесс и его понимание феномена культуры как важнейшей после природы формы бытия человека.

Ключевые слова: марксизм; человек; наука; теория; общество; история; культура.

Karl Marx: specific views on the historical process and culture (on the occasion of 200th anniversary of his birth)

V.L. Kurguzov

East Siberian State University of Technology and Management; 40B, Kljuchevskaya St., Ulan-Ude, Republic
of Buryatia, Russia

vlkurguzov@rambler.ru

Received 11.05.2018, accepted 3.06.2018

The 200-year anniversary of the birth of Karl Marx, an outstanding thinker of the XIX century, obliges us, modern scholars of the humanities, to take a retrospective view and critically evaluate the theoretical legacy of the founder of scientific socialism. To this end, the article attempts to briefly outline Marx's views on the historical process and his understanding of the phenomenon of culture as the most important after the nature of human being.

Key words: Marxism; a human; science; theory; society; history; culture.

Чтобы верно отразить свой путь вперед, необходимо хорошо знать путь уже пройденный, помнить его, трезво и справедливо оценивать, помнить совершенные ошибки, но не забывать и находки, особенно такие, из которых можно сделать полезные выводы для дальнейшего.

Г. Димитров

О величии К. Маркса, немецкого экономиста, философа, социолога, историка и основателя универсальной культурологии, 200-летие которого отмечается в этом году,

можно говорить часами, днями, неделями и даже месяцами. Неудивительно, что об этой знаковой фигуре в истории человечества написаны тысячи книг практически на всех

языках народов мира. Вполне понятно, что писать статью об этой знаковой фигуре — дело весьма сложное и ответственное. Но все-таки мы сделаем этот шаг. Сделаем, хотя бы потому, что долгий период истории мы прожили в условиях первого в мире социалистического государства, которое было создано в результате первой в мире социалистической революции, подготовка и осуществление которой во многом проходили по теоретическим «чертежам» Карла Маркса и творческого развития его учения русским марксистом В.И. Лениным.

Цель автора статьи — акцентировать свое внимание на некоторых аспектах воззрений К. Маркса на *исторический* процесс и донести до читателей мало кому известную роль Карла Маркса в развитии теории самой молодой гуманитарной науки современности — культурологии, которая интегрирует собой как историю, так и теорию культуры. При этом не лишним будет подчеркнуть: далеко не всем известно, что именно Карл Маркс был основателем универсальной науки о культуре — *исторической культурологии*.

Начать придется с вывода о том, что огромное количество сведений, накопленных наукой об обществе, породило парадоксальную ситуацию: чем больше мы знаем, тем труднее построить теорию исторического развития традиционным в гуманитарных науках методом, т. е. путем обобщения эмпирических данных. Единственным выходом из такой ситуации оказывается коренная методологическая реформа: попытка создать теорию, являющуюся дедуктивным, сугобо логическим построением, возводимым с помощью структурно-логического анализа хрестоматийно известных фактов, но в то же время — принципиально умозрительным, а потому превращающим столкновение с фактами в аналог эксперимента в объективной науке.

Иными словами, создание общей теории *исторического* процесса, на наш взгляд, не является невыполнимой задачей, если заимствовать не операционные методы точных наук, а сам принцип построения фундаментальной теории. В этом случае социальная теория должна, как и любая теория, оказаться описанием сильно идеализированных или вовсе не существующих в реальном ми-

ре объектов, но обладать способностью объяснять реальные. Например, строго говоря, Земля вовсе не шар, ибо она имеет форму геоида, однако, чтобы это понять, надо иметь представление об идеальном объекте — шаре.

Первым ученым, совершившим попытку разработать теоретическую концепцию *исторического процесса*, являющуюся не просто обобщением эмпирических данных, а логическим развитием начальной посылки, как раз и был выдающийся немецкий ученый-обществовед Карл Маркс.

Элементарные основания его концепции общеизвестны: человека создал труд, материальное производство — основа существования общества, а поэтому и развитие общества представляет собой процесс, обусловленный развитием производства, прогрессом «материальных производительных сил».

«На известной ступени своего развития, — пишет Маркс, объясняя открытый им и Энгельсом принцип материалистического понимания исторического процесса, так называемый закон соответствия (соответствия между уровнем развития производства и формой организации общества), — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением последних, с отношениям собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [1, с. 7].

Реализацией данного принципа понимания причин и закономерностей общественного развития явилась теоретическая социология Маркса — *исторический материализм*, «истмат», как мы его называли в студенческие годы. Но судьба истмата оказалась трагичной. «Научно обосновав» коммунистическую идею, этот извечно преследующий человечество призрак, он вдохновил не один революционный эксперимент, оправдывая любое насилие над естеством жизни (ибо научная истина не нуждается в моральных обоснованиях), и привел прак-

тически все «марксистские» страны к историческому банкротству.

Автор статьи, защитив в свое время кандидатскую диссертацию по специальности «история КПСС», долгие годы преподавал эту дисциплину в вузе и был свидетелем выхода в свет в 1975 г. крупного по объему издания «Исторический материализм» [2, с. 30].

Итог, если говорить не про историю философии, а про философию истории: бессистемный талмудобразный требник, толкующий различные категории и понятия — «бытие», «материя», «диалектика», «практика», «человек», «познание», «наука», «культура», «общество», «будущее» и т. п. основополагающие идеи остались все те же, но чтобы вывести «истмат» из-под критики, саму систему, конструкцию демонтировали, разложив все детали по секциям, как в детской игре «Сделай сам». Увы, на основе представлений о целом — историческом развитии общества, — разбросанных по разным главам 2-го тома этого издания, никакой новой конструкции создать было невозможно. Что можно сказать по этому поводу? Старые догматики были, по крайней мере, бесхитростней и в этом смысле гораздо честнее...

Вместе с тем стоит особо подчеркнуть: Маркс и Энгельс считали, что их «исторический материализм» — вовсе не «учение», т. е. не идеологическая доктрина, а научная (естественноисторическая) теория. Однако, как справедливо подчеркивает современный российский обществовед В.М. Вильчек, «невольное, обусловленное состоянием науки середины XIX века смещение начала детерминации исторического процесса от причины, т. е. отчуждения, к следствию, т. е. к труду, вызвало перекокс в основании гениального замысла и во всем титаническом построении Маркса — Энгельса. Логическое развитие поразительных по глубине догадок вдруг породило неразрешимые парадоксы или же приводило к выводам, диаметрально противоположным истине. Попытки примирить концепцию с фактами оборачивались противоречиями во внутренней структуре концепции» [4, с. 49].

Это не удивительно, ибо, как заключает тот же В.М. Вильчек: «Теория, возведенная на гипотетическом отношении, должна быть

оказаться и оказалась весьма неустойчивым построением, требующим внешних опор, которые и были найдены, в *идеалистической* (выделено нами. — К.В.) диалектике Гегеля... Но, увы, материалистический парафраз диалектической абстракции Гегеля — истории Абсолютного духа — сделал учение, основанное на трудовой концепции Маркса, специфической разновидностью хилиазма — хилиазмом индустриальной эпохи» [Там же].

Человека создал Бог, внушает религия, а история — развертывание божьего промысла. Человека создал труд, доказывает К. Маркс, и тогда история становится развертыванием материалистического промысла.

Марксистская схема исторического развития имеет, как известно *пятичленную* форму: *первобытно-общинный* строй, *рабовладельческий, феодальный, капиталистический* и грядущий — *коммунистический*. Именно эта схема и была канонизирована в «истмате». Однако вот что примечательно: сам Маркс считал эту схему всего только черновым наброском. В предисловии к «Критике политической экономии» он склоняется к более сложной, но к *трехчленной* формуле: *первобытное*, доклассовое общество — *антагонистическое*, классовое — *коммунистическое*, постклассовое общество. Именно такая схема, казалось Марксу, лучше согласуется с фактами и позволяет найти более строгий критерий членения исторического процесса.

Однако некоторые российские историки считают, что выбор схемы этого процесса предопределялся тем, что «трехчленка» была убедительней, так как лучше накладывалась на триадический архетип: тезис — антитезис — синтез (или: рай — изгнание — возвращение в рай) на новом витке спирали технологического прогресса. Крушение «мировой системы социализма» как скоротечный финал ушедшего столетия, рожденного в схватках первой всемирной войны, в ужасе и крови последующей гражданской войны, — заставило даже самых робких, преодолев суеверный страх, своего рода религиозность, в которую выродился догматизированный марксизм, задуматься о доктринальных причинах постигшей нас катастрофы.

В последней четверти XX столетия проблемы действительности, связанные с явной «пробуксовкой» движения к коммунизму, обратили наши взоры, естественно, к марксизму. Взоры были всякие: растерянные, испуганные, воспаленные, блудливые, надменные и даже злые. Более того, отречение от марксизма стало своего рода светским эксзорцизмом — средневековой процедурой изгнания дьявола. Сотни пропитанных сарказмом страниц исписаны в последние три десятилетия про то, что не капитализм, а «реальный социализм» стал преградой развитию производительных сил, душегубкой для научно-технического прогресса. Что не капитализм, а «реальный социализм» привел к невиданно жестокой эксплуатации человека безликим бюрократическим молохом, к небывалым антагонизмам между людьми, народами, между обществом и природой. Что, вопреки теории, социалистические революции произошли не в наиболее развитых, как предполагал Маркс, но как раз только в отсталых, нередко колониальных или полуколониальных странах.

Примеры противоречий между марксистской теорией и практикой «марксистских» режимов можно множить до бесконечности... или до той минуты, пока нас не осенит, казалось бы, простая мысль — постойте, а причем здесь Маркс? Все идеи уравнительности, уничтожения частной собственности, огосударствления средств производства, тотальной регламентации жизнедеятельности — все это было известно за много веков до Маркса и его «Манифеста». Эти кочующие сюжеты, призраки и химеры истории пришли к нам, допустим, в интерпретации Маркса, в обличье «научной идеологии»; но прежде чем потрошить марксизм, следовало бы подумать: почему марксизм заразил именно Россию и другие маргинальные, а не более развитые индустриальные общества, к которым был обращен?

Скорее всего, можно согласиться с выводом В.М. Вильчека, который в своей книге «Прощание с Марксом» пишет: «Наверное, можно вспомнить и попенять: Маркс с Энгельсом проявили странную непоследовательность, одобряя утопические проекты русских народников, видевших опору социализма в крестьянской общине, но дикта-

тура пролетариата в полуфеодальной стране — идея, требующая полного разрыва с марксизмом. Можно, наконец, говорить не только о явной неадекватности марксистской концепции — ее неприменимости в российских условиях, но и о ее принципиальной, научной непоследовательности вообще» [4, с. 6].

Однако прежде чем обвинять марксизм во всех наших бедах, не мешало бы выяснить: действительно ли наши «марксисты» руководствовались марксизмом? Является ли вина Маркса в наших злоключениях больше, чем Иисуса Христа — в злодеяниях крестоносцев, Ницше или Вагнера — в гитлеризме (напомним, что Вагнер был любимым композитором Адольфа Гитлера) или аллаха — в злодеяниях современных моджахедов, душманов и игиловцев?

Справедливости ради разумнее заметить, что наш «реальный социализм» в СССР задолго до своего возникновения более-менее точно описан вовсе не Марксом и Энгельсом, а Евгением Дюрингом. А посему мы, если и построили, то дюринговский «государственный» социализм, превратив в свой молитвенник «Анти-Дюринг». Однако из этого парадокса нельзя делать и противоположный антимарксистскому вывод: видеть причину нашего кризиса последнего периода существования Советского государства в отступничестве от «истинного» марксизма.

Да, отрицать не станем: мы построили социализм, но вовсе не по Марксу, хотя и были всю советскую эпоху вдохновлены его идеями или оправдывали ссылками на марксизм продиктованные обстоятельствами поступки. Однако построить социализм по Марксу было невозможно вообще ибо, *во-первых*, развитие общества — по самому же Марксу — «естественноисторический», а не инженерный процесс, а, *во-вторых*, будь даже общество не организмом, а механизмом, во много раз легче поддающимся проектированию, проект Маркса все равно нельзя было осуществить, как нельзя построить машину, игнорируя законы механики. Иными словами — утопию воплотить нельзя, ибо только практика (материя, по Марксу) определяет сознание, а не наоборот.

Стоит ли удивляться тому, что в конце прошлого века и в наши дни в России появ-

вилось много любителей интеллектуальных пряностей, исторических парадоксов?

Например, почему бы не вспомнить идею о том, что государство — это машина подавления одного класса другим, а посему, стоит только ликвидировать угнетателей, как государство само по себе отомрет за не надобностью.

Кто же это утверждал? Самый последовательный российский марксист и, бесспорно, гениальный мыслитель В.И. Ленин в своей книге «Государство и революция», которую он начал писать в знаменитом шалаше в Разливе, скрываясь от преследований Временного правительства.

В этой книге он пишет: «Эксплуататоры... не в состоянии подавить народ без сложнейшей машины..., но народ подавить эксплуататоров может и при очень простой "машине почти без машины", без особого аппарата, простой организацией вооруженных масс... » [5, с. 435]. Уничтожение же класса эксплуататоров, полагал Ленин, делает государство вообще ненужным. И далее следует знаменитая мысль о том, что у нас все будут управлять по очереди и очень быстро привыкнут, чтобы не управлял никто: государство умрет в сознательности масс и в привычке жить в соответствии с определенными разумными нормами.

Не лишено особой степени любопытства, что лишь в среде рабочего класса продолжает жить, не зачахнув, интерес к немецкой классической философии. А пророчество, что разделение общества на классы будет преодолено очень просто: каждый тачечник станет архитектором, а архитектор — тачечником; поруководив полчаса строительством, будет катать тачку, пока не появится в нем нужда как в архитекторе? И все эти противоречащие здравому смыслу концепции следует считать наукой?

Да, именно так, ибо наука, как справедливо полагает В.М. Вильчек, — это «не обобщение фактов, как, к сожалению, думают многие, ибо обобщение — это другой тип знания: опыт, мудрость, но не теория. Опыт зряч, а теория — принципиально слепа... а логическое развитие аксиоматических исходных посылок — умозрение, истинность или ложность которого выявляет практиче-

ская проверка теоретических предсказаний, эксперимент» [4, с. 8].

Еще полвека назад за такое откровение по поводу «проколов» в трудах классиков марксизма-ленинизма автору статьи вряд ли удалось бы доехать живым до Магадана. Сегодня же появилась возможность практически всем осмелевшим любителям интеллектуальных пряностей предложить сколько угодно курьезов, бывшими еще вчера святынями. Тем более что никто иной, как В.И. Ленин, справедливо полагал, что «марксизм — это не догма, а руководство к действию».

Между тем, Маркс был первым мыслителем, попытавшимся построить собственную научную теорию развития общества, создать не «учение», не идеологическую доктрину, а «естественно-историческую концепцию, столь же объективную, как физика, химия, математика. Это было крайне рискованным предприятием — строительством небоскреба на плаву познаний и методологических представлений середины XIX в. И если это грандиозное построение начало входить в противоречие с фактами, то это может означать лишь одно: то, что в основании теории допущен некий просчет, сбой, смещение. Именно в этом случае, чем упрямей и прямолинейнее теория, тем к более ошибочным выводам способна она привести. Попытки же примирить теорию с фактами с неизбежностью должны оборачиваться разрушением логических структур любой теории.

Карл Маркс любил повторять замечательные слова: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Ошибки и заблуждения, замечу я, в том числе. Именно так. Однако гении не боялись признавать свои ошибки. Вспомним хотя бы В.И. Ленина. Когда его ожидания того, что после нашей победоносной Октябрьской революции 1917 г. произойдет цепная реакция, и подобные революции будут совершены в ведущих странах Европы, не оправдались, Ленин не побоялся сказать: «Нам надо изменить свой взгляд на социализм» — и немедленно открыл широкие двери новой экономической политике (нэпу), мелкобуржуазный характер которой был вполне очевиден. В результате — вновь активно пробудился частный капитал, который, по сути дела, и

спас страну от голода и разрухи, связанной с многолетней империалистической войной,

Не избежал ошибок и Карл Маркс. Можно вспомнить хотя бы то, что он вовсе не считал Россию тем местом, где свершится первая пролетарская революция. Таким местом он называл высокоразвитые капиталистические страны Европы — Англию, Францию, Германию... Однако речь дальше пойдет не об этом, а об ошибочных взглядах Маркса на культуру, при этом хорошо понимая, что *Природа* — еще не культура, а *Культура* — уже не Природа.

Культура, по Марксу, — это «вторая природа». «Люди, — писал он, — усматривали действительность человеческих сущностных сил и человеческую родовую деятельность только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д.» [Цит. по: 6, с. 287]. Маркс неоднократно подчеркивал, что со сменой общественно-экономических формаций происходит изменение типов культуры: первобытная культура сменяется рабовладельческой, та, в свою очередь, — феодальной, затем капиталистической и, наконец, коммунистической. Каждая новая формация избирательно, но неизбежно, наследует культурные достижения предшествующей. Особенно это касается проблем, связанных с генезисом феномена культуры, второй после природы формы бытия человека.

Всем известно, что Маркс был последовательным сторонником эволюционной теории Ч. Дарвина. Это закономерно, ибо в теории Дарвина речь идет об *эволюции видов*, а у Маркса — об эволюции *общественно-экономических укладов*. Может, именно поэтому Маркс не стал «замечать» явных пробелов и очевидной гипотетичности в теории Дарвина, особенно касающихся генезиса человека.

«Дарвин, — справедливо отмечает Э.В. Поздняков в своей «Философии культуры», — был прекрасный натуралист, но — как часто бывает с «естественниками» — плохой философ в духе наивного материализма. Можно даже сказать, что Дарвин — это марксист в биологии: ведь не случайно марксистская теория подняла Дарвина на щит и сделала его своим кумиром. Обе теории ме-

тодологически вполне родственны: в одном случае прогрессивное развитие общества от первобытного общества к коммунистическому, в другом — прогрессивная эволюция животных от низших видов к высшим, венцом которой является человек. Обе же концепции, и первая, и вторая, в свою очередь, плоды плоского западноевропейского рационализма, достигшего своего пика в XIX веке и философии позитивизма» [7, с. 38].

Доктрина исторического материализма сегодня мало кого интересует, а дарвинизм, как ни странно, несмотря на все достижения в биологической науке, продолжает здравствовать, и дарвинская обезьяна кому-то до сих пор видится как ближайший предок человека. К сожалению, скажем мы, мифы изживаются с трудом. В случае же с Дарвином для меня остается неразрешимой загадкой, почему люди с такой легкостью уверовали в это сомнительное родство, хотя им до этого более полутора тысячелетий вдальбивали в голову веру в их божественное происхождение? Тайна сия велика! Впрочем, может быть, и тайны-то никакой нет. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь внимательно посмотреть на самих себя и увидеть, что все мы очень падки на всякие небылицы.

У Дарвина все просто: сидела на пальме какая-то обезьяна, затем ей это надоело, и она спрыгнула на землю, зачем-то встав на задние ноги, и с нее, как с одуванчика, вдруг слетел весь пух. Этот поступок привел не к улучшению биологического вида, а к значительному его ухудшению, ибо, встав на две ноги, человек обеспечил себе вечную проблему усталости, так как увеличил нагрузку на позвоночник в два раза. А лишившись шерстяного покрова, не мог обеспечить себе комфортную жизнь даже в пещере — не только в средней полосе, но даже в жарком климате экваториальной Африки. Но, несмотря на то, что все летающие ящурки, ихтиозавры и бронтозавры, гигантские мамонты, «шерстистые» и «клыкастые», исчезли с лица земли, человек — абсолютно голое и неприспособленное к жизни на земле существо — выжил и умирать не собирается. И, наконец, ни Дарвин, ни Маркс, никогда не брались за разъяснение, казалось бы, простой проблемы: почему это в ходе эволюции

человека произошло не улучшение, а *ухудшение* вида?

Ответ прост: потому что человек, в отличие даже от самой сообразительной дарвинской обезьяны, обладает, кроме Природы, еще одной формой бытия — Культурой, с помощью которой создал все недостающее, построив гигантский по масштабам искусственный мир, начиная от каменного топора и кончая кораблями, бороздящими сегодня космическое пространство. А сама культура есть не что иное, как плод функции головного мозга — *воображения*, которым наделен только человек и которое отсутствует у самой талантливой дарвинской обезьяны.

Легко ли дать научное определение культуры? Нет, не легко, ибо сегодня в культурологическом пространстве существует более 3-х тысяч дефиниций этого феномена, а универсального определения до сих пор нет. Ну, а легко ли дать определение, кто или что есть человек? Так же трудно, потому что человек — это тоже не менее сложная система. Человеку нельзя сказать: «Замри, я тебя изучаю». Что значит «замри», если в одну секунду в организме человека происходят тысячи процессов? Ну, а если он «замрет» навсегда, то мы будем давать определение уже не человеку, а трупу. А ведь пытались, сотни лет пытались определить феномен человека... Все впустую. Приходится считаться со всяким вздором типа того, как определял человека древнегреческий философ Платон: «Человек — это существо о двух ногах, но без перьев» Или согласиться с мнением религии о человеке как «творении Божьем». Именно подобное происходит и с определением формы бытия человека культурой.

Мог ли обойти эту проблему такой гений, как Карл Маркс? Нет, конечно. Его формулировка проста и до сих пор весьма популярна как в научном пространстве, так и в системе образования. Маркс утверждал: *«Культура — это совокупность материальных и духовных благ, созданных человеком в процессе исторического развития»*. Кратко и со вкусом! Однако у меня, как у историка и культуролога, есть вполне оправданные претензии к этому определению культуры.

Почему «материальных и духовных благ»? Разве атомную бомбу, являющуюся,

бесспорно, артефактом культуры и сброшенную американцами на японскую Хиросиму, унесшую в гибель тысячи ни в чем не повинных людей, можно назвать благом? Естественно, автор статьи не был во время взрыва этой бомбы в Хиросиме, а был лишь в музее атомной бомбардировки этого города в 1985 г. Могу заверить читателя, что увиденные только диорамы этого события ввели меня в полную депрессию на целый день.

Вместе с тем, бомба является артефактом культуры, и это ни у кого не вызывает никакого сомнения. Она ведь не продукт Природы и не создана велением Божьим. Ее создал Человек, сначала вообразив ее проект, как воображаются все артефакты культуры — книги, стихи, романы, песни, музыкальные произведения, здания и сооружения, космические корабли и пр.

А затем сотворил этот злоедейский проект.

Карл Маркс был, безусловно, убежденным материалистом, и мы с юных лет знаем его фразу о том, что «материя первична, а сознание вторично». В связи с этим возникает принципиальный вопрос: к какой культуре Маркс отнес бы все ту же атомную бомбу, материальной или духовной? Скорее всего — к материальной. А если бы ему возразили и сказали: «Разве атомную бомбу родила природа, и она выросла на дереве?». Нет, скажем мы, атомная бомба изначально являлась продуктом все того же творческого воображения как одной из функций головного мозга человека. Тогда получается, что это изделие первоначально рождено духовной культурой. Но тут, по логике, возникает и другой вопрос: так что же первично, материя или дух? А это уже мировоззренческая проблема глобального порядка. Конечно, мозг человека — материален. А вот его продукт, мысль, — духовна. Есть над чем задуматься современным философам.

При полном признании величия гения Карла Маркса я не могу согласиться с ним и в том, что, как он полагал, не всякое действие человека создает произведение культуры. Это суждение противоречиво всему тому, что было сказано Марксом до этого. Мысль, прямо скажем, далека от законов диалектики, разработанных самим же Марксом. Выходит, что если мы создаем все то, что «радует глаз и ухо», то это культура. А

если не радуется, то что? Природа? Ведь, кроме природы, никакой альтернативы у культуры не существует.

Нет, скажем мы, абсолютно все созданное мышлением и руками человека является плодами культуры. Культуру со знаком «плюс» и культуру со знаком «минус» придумали дилетанты. Мыслят они следующим образом: уступает мужчина женщине место в трамвае — человек культурный! Вытирает сопельки носовым платком, а не с помощью трех пальцев — культурный. А вот тот, кто делает наоборот, — некультурный. Это и есть полный дилетантизм в понимании феномена культуры. Истина в том, что некультурных людей не существует, ибо они без культуры вымрут в считанные минуты, как те же мамонты из-за отсутствия корма, уничтоженного древним ледником. Проблема не в наличии или отсутствии культуры, а в ее уровне, который у всех людей разный. У одних он высокий, у других — низкий.

В данном контексте другой знаменитый немецкий философ, Макс Вебер, по законам протестантской этики которого живет сегодня абсолютное большинство населения мира, был сторонником ценностного восприятия культуры, призывая отказаться от всякой интерпретации, при которой «учат понимать политические, художественные, литературные и социальные явления культуры, исходя из условий их происхождения» [Цит. по: 6, с. 91, 92]

В отличие от многих, того же Карла Маркса, М. Вебер видел культуру даже в «низменном». Например, 7-я глава его знаменитой «Протестантской этики...» называется «Проституция как феномен культуры» [8]. Для меня было бы шоком, если бы я услышал, что не полиция, не другие административные органы, а наше министерство культуры стало заниматься этим феноменом.

Полагаю, что для наших так называемых «деятелей культуры» этот вопрос станет не только кощунственным, но даже оскорбительным, ибо проституция не радуется ни глаз, ни ухо. В структурах органов культуры не было и нет до сих пор отделов, например, деловой, хозяйственной, экономической, правовой и многих других культур. Это ведомство не занимается актуальными про-

блемами межкультурной коммуникации, а посему время четкого понимания того, чем ведомства культуры должны руководить, к сожалению, еще не пришло.

Для того, чтобы это случилось, всем работниками сферы культуры, включая министра, уже давно настала пора пройти хотя бы культурологический ликбез, ибо они до сих пор не знают, чем обязаны руководить... Однако они по-прежнему не считали и не считают культурологию (теорию и историю культуры) своей отраслевой наукой. Согласился же министр культуры России с ликвидацией Института культурологии РАН, который сейчас называется Институтом культурного наследия. Дилетанты не понимают, что культурное наследие, при всем уважении к нему, это лишь миллионная часть галактики предметного поля культуры. При таком отношении и понимании феномена культуры стоит ли удивляться нищенскому бюджету этого ведомства культуры.

Сегодня вполне очевидным стало то, что многовариантный подход истории и философии к их культурным смыслам изжил себя полностью. А рационалистическая установка на достаточность человеческого разума, как и прагматическая самоуверенность человека на рубеже прошлого и нынешнего веков, сменилась модернистской, а затем и постмодернистской парадигмами, основанными на однозначной способности человека создавать смысловые ценности истории.

Безусловно, Маркс понимал противоречивость своих теоретических построений, касающихся феномена культуры, и, опираясь на идеи З. Фрейда, видел альтернативу этому в биопсихологическом переустройстве человека на основе «новой чувственности».

В заключение своих размышлений об исторических воззрениях Карла Маркса на исторический процесс и культуру хотелось бы подчеркнуть, что сегодняшней разрыв между знаниями людей о природе и знаниями о самих себе (а это, прежде всего, знания историко-культурологические) давно уже напоминает пропасть. Нам, вузовским преподавателям-гуманитариям, хорошо видно, что эта пропасть еще более углубилась, когда современные псевдореформаторы буквально развалили марксистскую систему политического образования в нашей стране,

объективно создав условия для полной профанации знания.

Самое печальное то, что «плоды» этих знаний скоро встанут у руководства страной. И если не набраться решимости восстановить хотя бы типологическое, принципиальное соответствие между естественным, социальным и гуманитарным знанием, то в разрыв между ними, в незримую эту бездну когда-нибудь рухнет мир. Мне неизвестно, когда именно, через 5 или 25 лет. Я лишь уверен в том, что прав был Леви-Стросс, когда в свое время писал: грядущий век будет веком гуманитарным — или его не будет совсем. Однако завершить статью мне хотелось бы все-таки не мрачным образом бездны, порядком поднадоевшим, а оптимистичным прогнозом своих исторических, социологических и культурологических представлений.

Лет сто назад социализм и коммунизм были, по существу, синонимами, казались одной вершиной исторического процесса. Затем вершина раздвоилась: социализм превратился в низшую, переходную стадию на пути к «полному» коммунизму. Сначала эта стадия представлялась краткой, затем начала удлиняться, превращаясь в «особую историческую эпоху с собственными законами и периодами развития». Однако теперь со всей очевидностью понятно: мы так и не

ушли от мира, который проклинали и отрицали, — лишь кратчайшим путем, в кровь ободравшись, вскарабкались на одну из вершин. А коммунизм — другая, не наша историческая гряда. Возможно, там будут жить потомки — объективно выше нас и, дай-то бог (которого по идеологии марксизма нет и быть не может), — разумней и достойней нас. Автор статьи желает им счастья, но вовсе не завидует, ибо, в соответствии с концепцией Карла Маркса, быть человеком никогда легче не было, и не будет.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М., 1955-1973.
2. Маркс К. Исторический материализм. М., 1975.
3. Введение в философию. В 2 т. / под ред. И.Т. Фролова. М., Т. 2. 1989.
4. Вильчек В. Прощание с Марксом (алгоритмы истории). М., 1989.
5. Ленин В.И. Государство и революция. М., 1975. (Полн. собр. соч.; т. 35).
6. Культурология: люди и идеи / под ред. К.Э. Разлогова. Сер. Энциклопедия культурологии. М.: РИК, 2006.
7. Поздняков Э.А. Философия культуры. М., 1999.
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.